

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
28 СЕН 1984

КОРЧАГИНСКОЕ НАЧАЛО

ИНТЕРЕСНО было бы глубже проследить ту ситуацию, в которой родился такой удивительный писатель, как Н. Островский, и его герой — Павка Корчагин. Молодое Советское государство находилось в сложнейшем положении — перед ним стояла самая насущная проблема. Ее можно обозначить как проблему выживания. Борьба, в которую страна была втянута, отнимала все силы.

Вчитываясь в роман, мы прежде всего поражаемся гигантскому напряжению сил и стараемся понять, как, за счет чего они сумели выстоять и победить. И мы должны принимать во внимание те светлые идеалы будущей жизни, которые одухотворяли, полнили их новыми силами.

Сохранена ли была нашей литературой преемственность? Безусловно. Герои «Разгрома» и «Поднятой целины» — это прямые соратники Павки Корчагина. Если проследить глубже, то это герои «Молодой гвардии» и «Они сражались за Родину», это Зоя Космодемьянская и Алексей Мересьев. И позже, в годы Великой Отечественной войны, литература отражала замечательный подвиг потомков Павки Корчагина. Это были герои, которых порождала реальность. Они

появлялись естественно и закономерно.

И вот наступило мирное время. Страна богатели, наше время предоставило людям необятные возможности. Некоторым казалось, что герои, подобные Павке, ушли в историю.

Так думали не все. Писатели воспевали трудовые подвиги, совершаемые молодежью на целине. Пришло время освоения космоса — оно резко отличается от того периода, в который жили и трудились наши деды. Героям нового времени не нужно было гибнуть: за ними — могучая держава, мир, гарантированный подвигами многих поколений. Но из нашей литературы не ушло корчагинское начало. Нет. В каком-то смысле они, герои двадцатых, — предтечи современных героев советской литературы.

Мы живем в один из сложнейших исторических периодов. Порой кажется, что мир стоит на грани войны. И мое глубокое убеждение — если вдруг возникнет экстремальная ситуация, вновь появятся и герои, подобные Павке, и писатели, подобные Николаю Островскому.

Александр ПРОХАНОВ.

СО ВСЕГО СВЕТА

В музее Николая Островского общенародная почта. Сотни людей из нашей страны и из-за рубежа присылают письма.

Уважаемая жена Островского, несколько лет назад я познакомился с Вами в доме-музее. Наша молодежь с интересом слушает об Островском и читает его романы. Вы видите, что Ваш муж жив. Эраhard Нунаи, учитель из ГДР.

Мое мнение о книге любимого писателя Николая Островского «Как закалялась сталь» таково: это шедевр советской литературы.

В. Соколов, толяр.

Я прочитал книгу «Рожденные бурей», и мне очень приятно сообщить Вам, что эта книга заслуживает всяческой похвалы. Чтение книги доставило мне огромное удовольствие.

Я больше всего сожалею о том, что моя страна не публикует ничего подобного. Как приятно читать о суровой действительности, отраженной простыми словами, и, наоборот, как противно читать неискренние слова буржуазных писателей.

Испания. Публикация подготовила И. РУКАВИШНИКОВА, студентка МГУ.

Я его видел

НАВСЕГДА останусь благодарен судьбе за то, что она подарила мне несколько незабываемых встреч с этим замечательным человеком, писателем, неслыханным коммунистом — ленинцем Николаем Алексеевичем Островским.

Познакомился с Николаем Алексеевичем в июне 1935 года в городе Сочи на Ореховой улице, 47, где он жил в небольшом одноэтажном домике, окруженном садиком и несколькими кипарисами. Островского навестила делегация актива комсомольцев города Сочи. Я был секретарем комсомольской организации Сочинского комбината.

Переступив порог комнаты, мы увидели человека, лежащего на кровати, обремененного неподвижностью и слепотой. Черты его лица, минималистичные, но очень выразительные, простые, правдивые, глубоко проникли в душу, он покорял своим самообладанием и оптимизмом. Особенно запомнились его страстные слова о том, что закалялась молодежь в суровые годы гражданской войны. Николай Островский произвел впечатление человека, в котором горела молодая сила, поражающая всех, видевших его.

Вторая встреча состоялась утром шестого октября 1935 года. К Островскому пришел комсомолец города Сочи, он провел с нами несколько часов в садике.

Ребята рассказывали о своей работе, учебе, потом говорил Николай Островский. А затем пели под баян песни. Островский двигал в такт кистью правой руки, словно дирижируя. Ему пришло по душе песня из фильма «Веселые ребята» «Сердце, тебе не хочется покоя...».

Не забуду и еще одну встречу, состоявшуюся 24 ноября 1935 года, когда я присутствовал на торжественном пленуме Сочинского горкома партии, горисполкома и горкома комсомола, посвященном награждению Николая Островского. Радио

«ТОЛЬКО ВПЕРЕД...»

ЭТУ книгу с дружеской надписью «Ванюше Киришкину от автора. Н. Островский» я храню как ценнейшую реликвию. Она напоминает мне тот день, когда я впервые переступил порог его комнаты.

Он лежал на кровати под одеялом. Большой лоб, открытые глаза и совсем юношеская улыбка.

Подойди, пожалуйста, ближе. Дай твою руку, — услышал я мягкий голос. Рукопожатие порывистое, горячее.

— Будем на «ты». Ведь мы из одного теста: ты — чапаевец, а я — буденновец.

Островский задержал мою руку, сказав при этом, что так лучше чувствует собеседника.

Завязалась оживленная беседа. Он неустанно говорил, задавая вопросы, смеялся. Особенно запомнились его слова о годах гражданской войны.

— Мы преодолели неимоверные трудности, потому что были спаяны переходными идеями, они делали нас сильными.

Он говорил о том, как на молодежь влияла великая сила товарищества. И молодые люди, комсомольцы и их наставники — большевики старшего поколения.

Он говорил о том, как на молодежь влияла великая сила товарищества. И молодые люди, комсомольцы и их наставники — большевики старшего поколения.

М. КОШКИН, бывший секретарь комсомольской организации Сочинского комбината, член горкома комсомола города Сочи.

ЗОВ ОГНЕВОГО СЕРДЦА

«В ПРОШЛОМ я кочегар. Не окончил начальную школу. Стал наемным рабочим с двенадцати лет. Пятнадцать лет вступил в комсомол и в революционную армию. Два года боев. Два тяжелых ранения, потеря зрения, контузия. Затем опять мастерские, работа в комсомоле. С двадцати восьмью года я парализован, неподвижен... Пять лет напряженной работы и, как результат, две книги о былом, о нашей мятежной юности. Я — один из молодой гвардии большевиков...».

Так писал в своей краткой биографии Николай Островский. Человек, чье имя стало олицетворением беспредельной любви к Родине, верности долгу, символом неслыханного духа, беззаветной борьбы за коммунистические идеалы. Писатель-коммунист, давший нам, всему миру Павку Корчагина, слился своим «я» с биографией целого поколения: «Я — один из молодой гвардии большевиков...».

Да, он был одним из тех, кто рано получил рабочую, классовую закалку. В пятнадцать лет стал комсомольцем и бойцом Первой конной армии.

«Вы что же думаете, — вспоминал Островский то время, — на нас солнце не светило, или жизнь нам не казалась прекрасной, или для нас не было привлекательных девушек, когда мы носились по фронту и переживали боевые бури? В то и дело, что жизнь нас звала, мы, может быть, больше других чувствовали ее очарование, но мы твердо знали, что самое главное сейчас — уничтожить классового врага и отстоять революцию».

Но старый мир не сдавался без боя. Интервенция приносила свой штык к груди молодой республики. Герой Островского Павка Корчагин — в гуще событий. Выскоку взметнув руку с клинком, он со своим эскадронным несет в атаку на врага.

Занное Островским объяснение заглавия романа «Как закалялась сталь». «Сталь» закаляется при большом огне и сильном охлаждении. Тогда она становится крепкой и ничего не боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных испытаниях и училось не падать перед жизнью».

Николай спросил, участвовали ли я в отражении «психической атаки» белогвардейцев, когда чапаевская дивизия громила колчаковцев под Уфой летом 1919 года. Выслушав ответ (я был тогда командиром взвода), Островский продолжал: — Что ты чувствовал тогда?

— Только бы не осечка! Одна эта мысль сверлила мозг, — ответил я.

— Осечка, как известно, не произошло ни в патронах, ни в сердцах чапаевцев, — произнес Островский. — Вот так-то дружите, и закаляйтесь бойцы».

Во время одной из бесед на квартире в Со-Островский передал мне машинописный текст, просил прочитать и, если написанное окажется подходящим, напечатать в «Сочинской правде», которую в то время я редактировал. Это были первые главы книги «Рожденные бурей».

Главы нового романа мы читали всей редакцией, делились впечатлениями, по телефону сообщали писателю наше мнение. Замечу: оценка «в общем и целом» его не интересовала. Он просил каждый раз говорить что-то конкретное: как мы воспринимаем того или иного героя романа, удачно ли написана такая-то сцена, верно ли передается замысел автора.

Пять глав романа «Рожденные бурей» увидели свет впервые на страницах «Сочинской правды» в апреле — июне 1935 года. Интерес к новому произведению Николая Островского был огромен. У киосков — очереди за газетой, «Сочинскую правду» отдыхающие увозили домой и там передавали ее в редакции местных газет.

У меня сохранился блокнот, в котором я вел записи заседания бюро Сочинского горкома партии, состоявшегося на квартире писателя 16 мая 1935 года. Островский выступал с творческим отчетом. Он говорил, в частности, о задаче советских писателей — создать образ молодого революционера нашей эпохи. Кто должен быть героем книг? Молодежь, которая боролась вместе с отцами за Советскую власть, а теперь строит социализм.

На вопрос о настроении Островский отвечал: «Настраиваю у меня замечательное. Ведь я имею все возможности для плодотворной творческой работы, ясную

голову и много друзей! Друзья, озабоченные большой нагрузкой писателя, предлагали ему работать не больше 8 часов в сутки и непременно использовать предоставленный ему отпуск. Островский отказался: — Я считаю преступлением прожить бездельно хотя бы один день. Мой рабочий день — десять — двенадцать часов в сутки.

Посещал я Островского и в Москве. Приносил с собой информационные бюллетени ТАСС с наиболее важными материалами, читал ему московские газеты. Особый интерес он проявлял к событиям в Испании, к корреспонденциям Михаила Кольцова о борьбе испанского народа.

В начале 1936 года Островский был поставлен на военный учет. Ему было присвоено звание бригадного комиссара. И вот он в мушкетерском раззее. Разрешает мне пригласить из редакции фотокорреспондента. Просит устроить так, чтобы он мог сняться в окружении родных и близких. Съемка удалась, и этот кадр я бережно хранил.

...Как закон жизни воспринимает сегодня молодежь слова Николая Островского? «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе!»

И. КИРЮШКИН.

МЛ
Литературная
СТРАНИЦА

Выпуск посвящен
80-летию со дня
рождения
Николая Островского

МОЙ рабочий день — 10—12 часов в сутки. Я должен спешить жить... Все обстоит благополучно, как говорят, «на все сто процентов». Недостает лишь здоровья. Настраиваю у меня хорошее, голубое светлота, я счастливый человек, и я не выдумываю этого».

С такими словами 16 мая 1935 года выступил на заседании бюро Сочинского горкома ВКП(б) Николай Островский. Надо хорошо знать его жизнь, чтобы понять, что стоит за этими словами, полными энергии и оптимизма. Гордые строки его выступления были записаны секретарем писателя, а потом кто-то зачитал их собравшимся. Островский к тому времени уже 8 лет не вставал и полностью потерял зрение, но о себе всегда говорил только в активной форме: «Я прочитал», «Я высказался», «Я испробовал».

Некоторым, быть может, покажется, что нет ничего удивительного в том, что человек, живший бурно, способен надиктовать секретарю книгу о событиях собственной жизни. Ведь единственное, что ему оставалось, — это говорить.

«...Когда я диктую, прежде, чем рассказать о том или ином действующем лице, я мысленно всем воображением представляю этого человека. В этом мне помогает хорошая память. Я четко запомню людей и через десяток лет могу вспомнить их».

И вот, рисуя в своем воображении все действие, которое я диктую, я все время не теряю картинку, созданную воображением. Когда картина обрывается, обрывается и запись». («Моя работа над повестью «Как закалялась сталь»).

Но ведь возможность иметь секретаря появилась только тогда, когда Островского уже признали писателем. Сначала «Как закалялась сталь» надо было написать и издать. Это потом появилась большая квартира на улице Горького, тогда еще Тверской, где уже почти полвека находится музей Николая Островского. И в ноябре 35-го, сразу после вручения Островскому ордена Ленина в Сочи был за-

ведь он появился у нас в доме больной, без средств.

Островские — они все в роду были красивые. Мои родители, да и его — родом из одного села Вилия. Мама моя с Ольгой Осиповной, матерью Николая, — старые подруги. Ольга Осиповна прекрасная была женщина! Она еще мою маму замуж выдавала (мама была на пятнадцать лет моложе ее). Так что моя мама знала Николая с пеленок, но, когда я пошел второй год, семьи наши развелись, осталась только переписка. И вот 21 год спустя Ольга Осиповна написала моей маме, что Коля очень болен и ему нужно пожить на юге после лечения. Так мы с ним и познакомились.

Чувствовала ли я, насколько мне трудно жилось? Нет. Работать я с детства умела и любила, привыкла многое делать по

зал он. — Только проверь мой пистолет. Посмотрим, как меня выставят!».

— А почему у него был пистолет, Раиса Порфирьевна? Мирная обстановка, больница, 29-й год... —

Трудно объяснить, сейчас это звучит странно, но он никогда не расставался с оружием. Это привычка еще с юности. У него под подушкой всегда лежал пистолет, и я время от времени его чистила и смазывала. Он чувствовал себя с оружием, ну, как бы в строю. Он и форму красноармейскую любил, дома я всегда надевала на него форму.

Три дня не приходила тогда в клинику, как он велел. Его перевели в хирургическое отделение и сделали операцию.

Жизнь нас не баловала, зато сколько во-

единственное одеяло, в котором привезла Николая в Москву. Для него купила споманную солдатскую койку, без досок и без матраца, прутья вот на таком расстоянии. Как могла, починила кровать, замотала проволокой. Еще приобрела ломберный столик со сломанной ножкой.

Вот и вся обстановка. Но нас это не волновало. Николай лежал один, я записала его, чтобы оградить от соседей. Он лежал и обдумывал свою книгу. Приду после работы, он просит записать под диктовку. А у меня забот много, продукты по карточкам надо получить.

— А как, по-вашему, Раиса Порфирьевна, готова ли сегодняшняя молодежь принимать серьезные решения, взять на себя бремя ответственности?

— Конечно. Когда я ездила в ГДР, один корреспондент задал мне вопрос, насколько современная молодежь продолжает линию комсомольцев двадцатых годов. Я вместо ответа спросила, знает ли он, что такое комсомольская стройка. Там работают люди не с седыми головами. Есть, конечно, и другая молодежь, но думаю, что до них просто не дошла еще суть жизни.

В разных аудиториях приходилось мне выступать, рассказывать об Островском.

которые под беспощадными ударами жизни начинают выть и кидаться в истерику по углам.

То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это неверно. Это чудь! Я совершенно здоровый парень! То, что у меня не двигаются ноги и я ни черта не вижу, — сплошное недоразумение, идиотская какая-то шутка, сатанинская!».

В ноябре 1930 года Островский, будучи в Москве, начинает работу над книгой. Эта книга должна была рассказать людям о его поколении, о том, как в классовых битвах, в борьбе с лишениями закалялась сталь молодых сердец.

«Я бросился на прорыв железного кольца, которым жизнь меня охватила, — писал он. — Я пытаюсь из глубокого тыла перейти на передовые позиции борьбы и труда своего класса. Не прав тот, кто думает: большевик не может быть полезен своей партии даже в таком, казалось бы, безнадежном положении...».

...Островский получил «путевку в жизнь», о которой мечтал. Он закончил первую часть романа.

«Дверь жизни широко раскрывалась передо мной, — делился он своей радостью с Новиковым. — Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась... Жизнь моя теперь заполнена до краев... Помните крепко мои руки, товарищи! Моя победа — ваша победа!.. Слышите, как горячо стучит мое сердце?».

Его сердце билось неутомимо. Оно было подобно аккумулятору, постоянно питаемому его энергией. Оно давало ему силы в работе над второй частью романа «Как закалялась сталь».

Он живет теперь только работой. Летом 1933 года вторая часть романа в основном написана. Теперь отдохнуть? Нет, Островский с

ГЛОС ПОКОЛЕНИЯ

Беседа с Раисой Порфирьевной Островской

хозяйству — в доме и на огороде, сама белила дом внутри и снаружи, Умела круг хороших людей было! Чтобы добиться комнату и забрать его из клиники, я обра-

последить глубже, то это герои «Молодой гвардии» и «Они сражались за Родину», это Зоя Космодемьянская и Алексей Мересьев. И позже, в годы Великой Отечественной войны, литература отражала замечательный подвиг потомков Павки Корчагина. Это были герои, которых поразила реальность. Они

Александр ПРОХАНОВ.

СО ВСЕГО СВЕТА

В музее Николая Островского — обширная почта. Сотни людей из нашей страны и из-за рубежа присылают письма.

Уважаемая жена Островского, несколько лет назад я познакомился с Вами в доме-музее. Наша молодежь с интересом слушает об Островском и читает его романы. Вы видите, что Ваш муж жив. Эрхара Нунак, учитель из ГДР.

Мое мнение о книге любимого писателя Николая Островского «Как закалялась сталь» таково: это шедевр советской литературы.

Б. Соколов, токарь.

Я прочитал книгу «Рожденные бурей» и мне очень приятно сообщить вам, что эта книга заслуживает всяческой похвалы. Чтение книги доставило мне огромное удовольствие.

Я больше всего сожалел о том, что моя страна не публикует ничего подобного. Как приятно читать о суровой действительности, отраженной простыми словами, и, наоборот, как противно читать неискренние слова буржуазных писателей.

Испания.

Публикацию подготовила И. РУКАВИШНИКОВА, студентка МГУ.

несколько часов в садике. Николая Островского. Радио

Выпуск посвящен
80-летию со дня
рождения
Николая Островского

ЗОВ ОГНЕВОГО СЕРДЦА

«В ПРОШЛОМ я кочегар. Не окончил начальную школу. Стал наемным рабочим с двенадцати лет. Пятнадцать лет вступил в комсомол и в революционную армию. Два года боев. Два тяжелых ранения, потеря глаза, тяжелая контузия. Затем опять мастерские, работа в комсомоле. С двадцать восьмого года я парализован, неподвижен... Пять лет напряженной работы и, как результат, две книги о былом, о нашей мятежной юности. Я — один из молодой гвардии большевиков...»

Так писал в своей краткой биографии Николай Островский. Человек, чье имя стало олицетворением беспредельной любви к Родине, верности долгу, символом нестягаемого духа, беззаветной борьбы за коммунистические идеалы. Писатель-коммунист, давший нам, всему миру Павку Корчагина, слился своим «Я» с биографией целого поколения: «Я — один из молодой гвардии большевиков...».

Да, он был одним из тех, кто рано получил рабочую, классовую закалку. В пятнадцать лет стал комсомольцем и бойцом Первой конной армии.

«Вы что же думаете, — вспоминал Островский то время, — на нас солнце не светило, или жизнь нам не казалась прекрасной, или для нас не было привлекательных девушек, когда мы носились по фронту и переживали боевые бури! В то и дело, что жизнь нас звала, мы, может быть, больше других чувствовали ее очарование, но мы твердо знали, что самое главное сейчас — уничтожить классового врага и отстоять революцию».

Но старый мир не сдавался без боя. Интервенция поставила свой штык к груди молодой республики. Герой Островского Павка Корчагин — в гуще событий. Высок взметнув руку с клинком, он со своим эскадром несется в атаку на врага.

Страшный удар опрокинул его, обжег и, казалось, смыл. Но уцелел Корчагин, выжил и — снова на передний край.

Для Островского жизнь тоже была борьбой. Прокладка Боярской узкоколейки, чтобы спасти Киев от голодной смерти. Участие в лесоплаве на Днепре. Комсомольская работа в пограничных районах Подолья. Военный комиссар батальона всеобщей.

Позже он напишет: «С лошади — к письменному столу, от стола — на площадь, где маршируют обучающиеся вводу молодянка; клуб, школа; два-три заседания, а ночь — маузер у бедра и резкое: «Стой, кто идет?», стук колес убегающей подводы с закордонным товаром — из этого складывались дни и многие ночи во-енкомбата 2».

Боевое прошлое напоминает о себе болью, причиняющей невероятные физические мучения. Горят старые раны, как бы требуют — остановись, передохни. Но кто же думает о передышке в двадцать лет, когда вокруг столько горячих и неотложных дел? Нет такого права у бойца партии.

В июле 1926 года Островский пишет из Новороссийска своему другу Анне Давыдовой: «Здоровье мое, к сожалению, определенно понижается равномерно, медленно, но точно... Итак, я теряю подвижность всех суста-

вов, которые еще недавно подчинялись. Полное окостенение.

Ты ясно знаешь, к чему это ведет. И я тоже знаю. Слежу и вижу, как по частям расхищается болезнью моя последняя надежда как-нибудь двинуться...».

Но в дом входили вести — страна вздымалась новыми стройками, жизнь кипела, и каждому в ней находилось дело. Мог ли он, Островский, в такое время стоять в стороне? Всем своим естественным стремлением окунуться в жизнь, почувствовать ее горячее дыхание. А иначе — для чего жить?

«Одно, что тяготит, — писал он Давыдовой, — это то, что я оторван от своих ребят — коммунистов».

Островский, несмотря на тяжесть своего положения, надеялся, что потеряно еще не все. Он считал, что у него есть главное — ясный мозг, сердце большевика.

«...Собираюсь писать историческо-лирическое-героическую повесть», а если отбросить шутку, то всерьез хочу писать, не знаю, что только будет, — сообщал он своему товарищу Петру Новикову в конце 1927 года. — Буквально день и ночь читаю. Уйму книг имею, связался с громадной библиотекой и читаю запоем и научное, и вперемешку для разрядки мозга беллетристику. Все новые книги. Хорошо!».

Какой прилив энергии, какое воодушевление вызвало в нем это решение! Жизнь словно обрела новый смысл. Он решил учиться и поступил на заочное отделение Московского Коммунистического университета имени Я. М. Свердловского. Но жизнь уготовила ему очередной тяжелый удар: обострилось воспаление правого зрячего глаза.

«...Сейчас у меня только крупинки здоровья, — пишет он Новикову, — я почти совсем слеп, не вижу, что пишу. Я определенно знаю, что могу переждать еще при хороших условиях эту зиму и лето, — жестоко загнан в физический тупик, — подумай, Петя, угасло зрение — такая радость жизни. Разгромив меня наголову физически, сбив меня в этом со всех опорных пунктов, ничто не может лишь унять моего сердечка, оно горячо бьется».

БИЕНИЕ сердца его сливалось с биением сердца народа. Живя в Сочи, где он остался после лечения, Островский стремился изо всех сил выйти на рубеж борьбы. К нему приходили коммунисты, комсомольцы, они рассказывали новости. Вместе с ними Островский обсуждал события дня, многие волновавшие его вопросы. Он сердцем воспринимал все, чем жила страна, партия. «Много, родной братушка, — писал он брату Дмитрию, — работы, еще много борьбы, и надо крепче держать зная Ленина».

Именно в этот период у него созревает окончательный план, который, по мнению Островского, мог наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни. «Я о нем сейчас писать не буду, — строки эти из письма Островского Новикову, — поскольку это проект. Скажу пока кратко: это касается меня, литературы, издательства «Молодая гвардия».

План этот труден и сложен. Если удастся реализовать, тогда поговорим. Вообще же незапланированно у меня ничего нет. В своей дороге я не петляю, не делаю zigzagов. Я знаю свои этапы, и потому мне нечего лихорадить. Я органически, злобно ненавижу людей,

которые под беспощадными ударами жизни начинают выть и кидаться в истерику по углам.

То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это верно. Это чушь! Я совершенно здоровый парень! То, что у меня не двигаются ноги и я ни черта не вижу, — сплошное недоразумение, idiotическая какая-то шутка, сатанинская!».

В ноябре 1930 года Островский, будучи в Москве, начинает работу над книгой. Эта книга должна была рассказать людям о его поколении, о том, как в классовых битвах, в борьбе с лишениями закалялась сталь молодых сердец.

«Я бросился на прорыв железного кольца, которым жизнь меня охватила, — писал он. — Я пытаюсь из губоного тыла перейти на передовые позиции борьбы труда своего класса. Не прав тот, кто думает: большевик не может быть полезен своей партии даже в таком, казалось, безнадежном положении...».

...Островский получил «путевку в жизнь», о которой мечтал. Он закончил первую часть романа.

«Дверь жизни широко раскрылась передо мной, делился он своей радостью с Новиковым. — Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась... Жизнь моя теперь заполнена до краев... Пожми крепко мою руку, товарищи! Моя победа — ваша победа!.. Слышите, как горячо стучит мое сердце?..».

Его сердце билось неутомимо. Оно было подобно аккумулятору, постоянно питаемому его энергией. Оно давало ему силы в работе над второй частью романа «Как закалялась сталь».

Он живет теперь только работой. Летом 1933 года вторая часть романа в основном написана. Теперь отдохнуть? Нет, Островский с головой уходит в дела сочинского комсомольца. У него дома часто собираются комсомольские активисты. Он живо интересуется всем, рассказывает о своей юности.

«В моей квартире происходят заседания бюро комитета. Я стал руководом кружка партактива, стал председателем районного совета культуры, строительства, в общем привнес в практической работе партии плотность. И стал полезным парнишкой, — писал он А. Каравашеву. С гордостью сообщал ей: «Социальная «комса» возвратила меня в свои ряды, и теперь рядом с партийным билетом лежит билет Ленинского союза № 8144911... В эти дни я вновь сближаюсь непосредственно с молодежью, пришедшей к нам на смену. Это делает мою жизнь наполненной до краев ощущением «живых людей».

ОН СПЕШИЛ. Закончив вторую часть книги «Как закалялась сталь», приступил к работе над романом «Рожденные бурей». Для многих это было непостижимо — в таком состоянии снова обречь себя на каторжный труд!

Он же был счастлив. Особенно это чувство укрепилось в нем после того, как в ноябре 1935 года ЦИК Союза ССР наградил его орденом Ленина.

Он успел закончить первый том «Рожденных бурей». Смерть забрала его тело — болезненное, немощное. Но она не смогла вырвать Островского из нашей жизни. Островский стал бессмертен.

И вечно живым и юным остался его Павка Корчагин. И слышится нам зов его огневого сердца.

А. ГОЛДА.

ведь он появился у нас в доме больной, без средств.

Островские — они все в роду были красивые. Мои родители, да и его — родом из одного села Вилия. Мама моя с Ольгой Осиповной, матерью Николая, — старые подруги. Ольга Осиповна прекрасная была женщина! Она еще мою маму замуж выдавала (мама была на пятьдесят лет моложе ее). Так что моя мама знала Николая с пеленок, но, когда ему пошел второй год, семьи наши разъехались, осталась только переписка. И вот 21 год спустя Ольга Осиповна написала моей маме, что Коля очень болен и ему нужно пожить на юге после лечения. Так мы с ним и познакомились.

Чувствовала ли я, насколько мне трудно было? Нет. Работать я с детства умела и любила, привыкла многое делать по

зай он. — Только проверь мой пистолет. Посмотрим, как меня выставляют».

— А почему у него был пистолет, Раиса Порфирьевна? Мирная обстановка, больница, 29-й год...

— Трудно объяснить, сейчас это звучит странно, но он никогда не расставался с оружием. Это привычка еще с юности. У него под подушкой всегда лежал пистолет, и я время от времени его чистила и смазывала. Он чувствовал себя с оружием, ну, как бы в строю. Он и форму красноармейскую любил, дома я всегда надевала на него форму.

Три дня не приходила тогда в клинику, как он велел. Его перевели в хирургическое отделение и сделали операцию.

Жизнь нас не баловала, зато сколько во-

единственное одеяло, в котором привезла Николая в Москву. Для него купила сломанную солдатскую койку, без досок и без матраца, прутья вот на таком расстоянии. Как могла, починила кровать, заматала проволокой. Еще приобрела ломберный столик со сломанной ножкой.

Вот и вся обстановка. Но нас это не волновало. Николай лежал один, я записывала его, чтобы оградить от соседей. Он лежал и обдумывал свою книгу. Приду после работы, он просит записать под диктовку. А у меня забот много, продукты по карточкам надо получить.

— А как, по-вашему, Раиса Порфирьевна, готова ли сегодняшняя молодежь принимать серьезные решения, взять на себя бремя ответственности?

— Конечно. Когда я ездила в ГДР, один корреспондент задал мне вопрос, насколько современная молодежь продолжает линию комсомольцев двадцатых годов. Я вместо ответа спросила, знает ли он, что такое комсомольская стройка. Там работают люди не с семью головами. Есть, конечно, и другая молодежь, но думаю, что до них просто не дошла еще суть жизни.

В разных аудиториях приходилось мне выступать, рассказывать об Островском. Несколько раз была в исправительных колониях. Одно выступление особенно ярко помню.

Вместе с сотрудницей музея Островского Диной Елисейной Соколовой приезжаем в колонию. Нас предупредили: осторожно с сумками — здесь народ сложный; рецидивисты. Идем через двор, с испугом смотрим по сторонам: здоровенные мужики, взгляд исподлобья. Перед выступлением нам шепчут, чтобы мы не удивлялись, если они не станут слушать, а будут стучать и свистеть. Выступаю — слушают без единого шороха или вздоха. Один заключенный сидит не поднимая глаз, прячет от меня взгляд. Так ни разу не посмотрел в глаза...

Слово Островского пробуждало в человеке совесть...

Вот теперь мне кажется, мы хоть отчасти понимаем, что вкладывал Островский в слова: «...товарищи, работать можно, но и нужно, если нет другой обстановки. Для этого необходимо колеблющееся стремление к труду, большое упорство и... тишина».

Теперь мы знаем, что стояло за каждым словом.

С. НОВИКОВА.

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ

Беседа с Раисой Порфирьевной Островской

хозяйству — в доме и на огороде, сама белила дом внутри и снаружи. Умела шить, и, пока жила у родителей, зарабатывала шитьем. А потом, время было какое? Безработица. На бирже труда — огромные очереди. Всем было тяжело.

В двадцать восьмом году я привезла Николая в Москву, в клинику 1-го медицинского института, который тогда был факультетом МГУ.

Его положили, а мне деваться некуда, жить не на что. Несколько дней разрешили пожить в конторе одного учреждения. А потом? Наш большой друг Александра Алексеевна Жигарева, старая коммунистка-подпольщица, пристроила меня к своей подруге. А у той в комнате — своя семья, двое детей. Поспала я у нее на полу несколько ночей, а дальше-то что?

Обратилась в райком комсомола. Помогли мне с работой: поступила я на консервный завод. Даже не завод, а фабрика, находилась она в каком-то сарае близ Елоховской церкви. Кустарное такое производство, почти безо всякой техники: разливали уксусную эссенцию, фасовали соду. Открыли ее, чтобы с безработицей бороться. Там рядом были три такие фабрики: кофейная, маргаритовая и наша, консервная. Сейчас на их базе — комбинат имени Микояна.

После работы спешила к Николаю, в клинику, несла что-нибудь поесть. Готовить мне было негде, но у себя на работе, в буфете, я могла купить рыбный лом — то, что оставалось от консервирования рыбы, иногда молоко или кефир. Покормлю его, перестелю постель и рассказываю ему все новости. Он жадно выспрашивал, ему нужна была жизнь, и я несла ее Николаю. Что у меня на фабрике? Как работает транспорт? Разговоры вели нескончаемые, все его интересовало. А ведь мне еще надо было ехать за город, где я снимала комнату. Иногда опоздаю на последний поезд и ночую на вокзале.

Долго пролежал Николай в клинике МГУ, но лучше не стало, и врачи заявили, что место ему в инвалидном доме. Конечно, у меня и в мыслях не было отдавать его туда. Куда же его забрать? Возвращаться домой, на юг, мы не могли: не в чем вести больного, да и простудится он зимой обязательно. Прошу подождать до весны, а мне говорят: «Если завтра же не возьмете, выставим его в коридор!».

Пришлось все рассказать Николаю. «Не приходи ко мне несколько дней, — ска-

круг хороших людей было! Чтобы добиться комнату и забрать его из клиники, я обратилась в ЦК партии. Нам пошли навстречу: дали письмо на бланке ЦК в РУНИ — районное управление недвижимым имуществом (потом их в ЖЭКи переименовали). Выдать комнату вне очереди... А был 29-й год, никакихстроек, в очереди много людей. В РУНИ чуть не каждый день жуху, а они говорят: «Дочка, ты знаешь, как с жильем трудно. Потерпи». А Николай — в клинике, все спрашивает, торопит.

Однажды прихожу в РУНИ, а мне: «Дочка, тебе повезло: есть полкомнаты».

Как полкомнаты? Там сидела еще одна женщина, пожилая общественница, так она говорит: «Бери скорей ордер. Я тебе помогу: дам доски и рабочих пришло. Поделишь комнату, и будете жить».

Пошла я смотреть комнату. В ней жила семья бывшего фабриканта кожаных изделий. Предупредили меня, что, как только дверь откроется, надо сразу ногу ставить, чтобы не захлопнули.

Комната оказалась большая, поделенная пополам чуть ли не тряпкой. Ну, стала понемногу осваиваться, строить перегородку из досок. Мебели не было, спала на полу, укрывалась и под себя стелила

НА СНИМКАХ: Н. Островский, 1923 г.; сверху — Н. Островский выступает на торжественном пленуме Сочинского горкома партии, 1935 г.; внизу — Н. Островский, Р. Островская и А. Зыбина, 1936 г.